

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. БРЮССЕЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКИЙ ПОРЯДОК?

Международно-политическая среда последних полутора десятилетий претерпела изменения, по своей значимости сравнимые только с ломкой международной структуры после Второй мировой войны. За краткий отрезок исторического времени протяженностью менее 60 лет в мире дважды происходила смена международных порядков — впервые по окончании Второй мировой войны в 1945 г. и затем — после распада СССР в 1991 г.

В огне Второй мировой войны к 1945 г. бесследно исчезла довоенная многополярность, на смену которой пришел биполярно организованный мир. К 2001 г. погиб и он: *Ялтинско-потсдамский порядок*, при всех своих пороках уберегавший мир от угрозы третьей мировой войны в течении более, чем полувека, остался в прошлом. На его месте к середине 90-х годов обрело очертания, а затем стало крепнуть, проявляя свои достоинства и пороки, новое, пост-биполярное, а по сути дела, *однополярное мироустройство*, лозунгом которого стала «глобализация». Посредством массивированных усилий США и союзники Соединенных Штатов стали развертывать по своему грандиозную работу в целях создания на планете универсальной межгосударственной и трансгосударственной общности — «мирового общества», — основанной на западных идеалах и ценностях, опирающейся на экономическую, политическую и военную мощь Западного мира, а также привлекательность его жизненных стандартов и образцов поведения в бизнесе, обеспечении безопасности, в политике и быте. Сдвиги, зародившиеся в мировой системе недавно, наложившись на долговременные тенденции мирового развития, уходящие корнями в середину прошлого века — послевоенную эпоху, подготовившую условия для нынешних перемен.

Окончание Второй мировой войны ознаменовало важнейший рубеж развития международной системы в ее движении от множественности главных игроков международной политики к уменьшению их числа и ужесточению иерархии — то есть отношений соподчиненности — между ними. *Многополярная* система, сформировавшаяся во времена Вестфальского урегулирования и сохранявшаяся (с модификациями) до Второй мировой войны, преобразовалась по ее итогам в *биполярный* мир, в котором безоговорочно доминировали США и СССР. Эта структура, просуществовав более полувека, в 90-х годах в свою очередь уступила место миру, в котором уцелел всего один абсолютный, «комплексный лидер» — Соединенные Штаты Америки.

Как должно описывать это новую организацию международных отношений с точки зрения полярности? Без выяснения различий между много-, би- и моно-полярностью корректно ответить на этот вопрос нельзя. В нашем рассуждении под многополярной структурой международных отношений понимается организация мира, для которой характерно наличие нескольких (четырёх или более) наиболее влиятельных государств, сопоставимых между собой по совокупному потенциалу своего комплексного (экономического, политического, военно-силового и культурно-идеологического) влияния на международные отношения.

Соответственно, для биполярной структуры типичен отрыв всего двух членов международного сообщества (в послевоенные годы — Советского Союза и США) от всех остальных стран мира по этому совокупному показателю для каждой из держав. Следовательно, если налицо отрыв не двух, а всего одной державы мира по потенциалу своего комплексного влияния на мировые дела, то есть влияние любых других стран несопоставимо меньше влияния единственного комплексного лидера, то такую международную структуру нельзя не считать однополярной — как бы сильно это не травмировало сознание, склонное предпочитать демократически организованные отношения между государствами, интуитивно и эмоционально кажущиеся «по определению» чем-то противоположным жесткой иерархии соподчиненности государств, ассоциируемой с однополярностью.

Точности ради важно заметить, что современная система не стала в чистом виде «американским миром» — Pax Americana. США реализуют в ней лидерские амбиции, не чувствуя себя, так сказать, в абсолютно разряженной международной среде. На политику Вашингтона в известной степени влияют семь других важных субъектов международной политики, в «плотном окружении» которых действует американская дипломатия. В круг избранных семи партнеров США формально входит и Российская Федерация — хотя пока еще с ограниченными правами. Все вместе США со своими союзниками и Российской Федерацией образуют «группу восьми» — наиболее престижное и влиятельное неформальное межгосударственное образование современности. Страны НАТО и Япония образуют в нем группу «старых» членов, а Россия представляет пока единственного нового.

Для понимания действительного соотношения позиций на высших уровнях международной иерархии важно иметь в виду, что из семи членов «восьмерки» помимо США — пять (Великобритания, Германия, Италия, Канада и Франция) являются союзниками Вашингтона по военно-политическому союзу НАТО, а еще одна (Япония) связана с США двусторонними военно-политическими обязательствами. Система этих взаимных обязательств при явном военно-политическом и экономическом преобладании США над своими партнерами делает последних очень чувствительными к американскому влиянию.

Россия, не связанная официальными союзническими отношениями ни с кем из этой группы, обладает вследствие этого относительно

большей автономией. Но она, как было сказано, не обладает всем объемом прав и привилегий полноценного членства в «восьмерке» и не участвует в обсуждении ключевых экономических проблем.

Из, условно говоря, «аутсайдеров» на роль ведущей мировой державы в 90-х годах сделал заявку Китай, добившийся к началу XXI в. впечатляющих экономических результатов. Но по совокупности возможностей КНР в обозримой перспективе не может выйти на уровень сопоставимости с США и поэтому не является для Соединенных Штатов реальным соперником в глобальной политике.

На фоне такого соотношения возможностей между ведущими мировыми державами очевидно, что говорить о серьезных ограничениях американского доминирования в мире можно лишь с долей условности. Разумно полагать, конечно, что современной международной системе присущ плюрализм — в том смысле, что ключевые международные решения реально вырабатываются в ней не единолично Соединенными Штатами. К процессу их формирования, как в рамках слабеющей ООН, так и вне их, имеет доступ относительно широкий круг государств. Но с учетом рычагов влияния США плюрализм международно-политического процесса не меняет структурного смысла текущей ситуации: *Соединенные Штаты ушли в огромный отрыв от всех остальных членов международного сообщества по совокупности своих возможностей*, следствием чего и является тенденция к росту всестороннего американского влияния на мировые дела.

Разумеется, уместно предполагать углубление тенденций к дальнейшему наращиванию потенциала других мировых центров — Китая, Индии, России, объединенной Европы, если последней все же суждено стать политически единым целым. В случае разрастания этой тенденции в будущем возможна новая трансформация международной структуры, которая, не исключено, приобретет многополярную конфигурацию. Но пока констатируется иное: международная структура в том виде, в каком она сформировалась к началу XXI в., — *структура плюралистического, но однополярного мира*.

Эволюция международных отношений после 1945 г. от биполярности к «плюралистической однополярности» происходила в рамках двух сменивших друг друга международных порядков — сначала биполярного (1945-1991), затем плюралистически-однополярного, который сформировался после распада СССР. Первый известен в литературе под названием Ялтинско-потсдамского — по названиям двух ключевых международных конференций (в Ялте 4-11 февраля и в Потсдаме 17 июля — 2 августа 1945 г.), на которых руководители трех главных держав антинацистской коалиции (СССР, США и Великобритании) в общих чертах согласовали базовые подходы к послевоенному мироустройству.

Второй — не имеет общепризнанного названия помимо прочего оттого, что его параметры не согласовывались ни на какой универсальной международной конференции. Это порядок *fait-accompli*, порядок «свершившихся фактов». Он сформировался де-факто — на

основании цепи прецедентов, представлявших собой односторонние инициативы Запада (Вашингтона и других стран НАТО), главнейшими из которых были решение администрации США о содействии распространению демократии в мире (оглашенная в 1993 г. доктрина «расширения демократии» помощника президента США по национальной безопасности Энтони Лейка); распространение Североатлантического альянса на восток за счет включения в него новых членов, начавшееся с Мадридской сессии Совета НАТО в декабре 1996 г., утвердившего график расширения и последовательность принятия в Альянс новых членов; и, наконец, решение Парижской сессии НАТО в 1999 г. о расширении зоны ответственности НАТО за пределы Северной Атлантики.

Отметим, что в отечественной литературе была предпринята попытка назвать пост-биполярный международный порядок Мальто-мадридским — по советско-американскому саммиту на о. Мальте в 1989 г., когда, принято считать, советское руководство впервые согласилось признать право государств Варшавского договора самостоятельно решать вопрос о следовании или неследовании по пути социализма, и упоминавшейся выше Мадридской сессии НАТО. Это название кажется неудачным. Считать итоговым рубежом Ялтинско-потсдамского порядка 1989 год — не точно, потому что в то время СССР еще оставался мощным международным субъектом и вел переговоры с США лишь о частичной ревизии Ялтинско-потсдамского порядка. Сам порядок продолжал существовать, речь о его сломе не шла, а биполярность устраивала и Москву, и Вашингтон. Ялтинско-потсдамский порядок перестал существовать лишь после распада Советского Союза в 1991 г., когда исчезла держава, бывшая наряду с США одним из двух главных гарантов этого порядка.

Если следовать традиции наименования каждого нового международного порядка по географическим названиям, то нынешний — уместно назвать Вашингтонско-брюссельским или Брюссельско-вашиingtonским — по двум главным центрам фактической выработки мирополитических решений — Вашингтону как столице страны-«комплексного» мирового лидера — США и Брюсселю как местопребыванию штаб-квартиры НАТО — главной военно-политической организации современности.

Но привязка к географическим названиям, по сути, несущественна. При любом наименовании *суть нынешнего мироустройства выражается термином «глобализация», структурный смысл которого состоит в реализации проекта создания всеобъемлющего, универсального миропорядка на базе формирования экономической, политико-военной и, по возможности, этико-правовой общности преобладающего большинства наиболее развитых стран мира посредством максимально широкого распространения зон влияния современного Запада на остальной мир.*

Этот порядок фактически существует на планете уже около 10 лет. Как видно из опыта, его распространение происходит преимущест-

венно, но отнюдь не исключительно мирным путем: через рассеивание в различных странах и регионах современных западных стандартов экономической и политической жизни, образцов и моделей поведения, представлений о путях и средствах обеспечения национальной и международной безопасности, а в более широком смысле — о категориях блага, вреда и опасности — для последующего их там культивирования и закрепления.

В таком виде современный международный порядок на самом деле складывается как **порядок глобальной общности, порядок на базе глобализации, в буквальном смысле, глобальный порядок**. Весьма далекий от завершенности, несовершенный и во многом травматичный для России этот все еще переходный международный порядок и занял место прежней биполярной структуры, прорисовавшейся в мире по окончании Второй мировой войны.

За без малого шесть десятилетий с момента окончания Второй мировой войны международная система претерпела коренные изменения. Мир XXI века, как и мир века XX, не стал царством гармонии и всеобщего благоденствия, хотя третья мировая война, термоядерная война на всеобщее уничтожение, страх перед которой отравлял атмосферу всей второй половины XX века, была все-таки предотвращена. В этом, едва ли не самом главном результате развития международной системы последних шести десятилетий видится источник исторического оптимизма и надежды, что в будущие десятилетия более образованное, сплоченное и искушенное испытаниями истории человечество окажется, по крайней мере, не менее умелым в преодолении стоящих перед ним вызовов, чем поколения 40-90-х годов века прошлого.

*Алексей Богатуров.
18 мая 2002 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатуров Алексей Демосфенович — 1954 г.р., окончил МГИМО МИД СССР в 1976 г., доктор политических наук («Конфронтация и стабильность в отношениях США с СССР и Россией после второй мировой войны 1945-1995», Институт США и Канады РАН, 1996), профессор (1999). В 1977-1988 гг. — стажер, младший, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР, 1988 — н/в — старший научный сотрудник, зав. сектором, зав. отделом, ведущий, главный научный сотрудник, зам. директора Института США и Канады РАН (ИСК РАН).

С 2000 г. — директор Научно-образовательного форума по международным отношениям. С 2001 г. — зав. кафедрой мировой политики и международных отношений Факультета мировой политики на базе ИСК РАН (ГУТН).

С 1991 г. преподает в МГИМО МИД РФ. В 1994, 1995 и 1997 гг. преподавал внешнюю политику России в Принстонском и Колумбийском университетах (США).

Автор 160 работ общим объемом свыше 180 п.л.

Косолапов Николай Алексеевич — 1942 г.р., окончил МГИМО МИД СССР в 1970 г., кандидат исторических наук («Социально-психологические факторы в эволюции политики США во Вьетнаме, 1945-1975», Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, 1976). В 1972-1985 гг. — младший, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, зам. гл. редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения». В 1985-1990 гг. — помощник секретаря ЦК КПСС. В 1990-1991 гг. — руководитель группы аппарата Президента СССР. С 1992 г. — зав. отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН. С 1999 г. — ведущий научный сотрудник Совета по изучению производительных сил.

В 1992-1998 гг. преподавал на философском факультете МГУ им. М.В.Ломоносова. С 1993 г. преподает в МГИМО МИД РФ.

Автор более 100 работ общим объемом свыше 300 п.л.

Хрусталеv Марк Арсеньевич — 1930 г.р., окончил Московский институт востоковедения в 1953 г., доктор политических наук («Системное моделирование международных отношений», МГИМО, 1992), профессор (1993). В 1963-1997 гг. — преподаватель, доцент, директор Центра международных исследований МГИМО МИД РФ. С 1997 г. — профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО.

Автор и разработчик (совместно с к.и.н., доц. А.А.Злобиным) первого в СССР и России учебного курса «Теория международных отношений», поставленного в МГИМО МИД СССР в 1973 г., и первых учебных пособий по этому курсу.

Автор около 40 работ общим объемом около 60 п.л.